

**Annelien De Dijn,
Freedom: An Unruly History,
Cambridge, Massachusetts:
Harvard University Press,
2020, 432 p.
ISBN: 9780674988330**

Георгий Ванунц

*Научный сотрудник Центра современных политических исследований Института общественных наук РАНХиГС,
пр. Вернадского, д. 82, к.2, Москва, Россия
E-mail: g.vanunts@gmail.com*

***Либерализм против свободы
в альтернативной истории
Аннелин де Дайн***

«Свобода, ведущая народ» была написана Эженом Делакура по горячим следам Июльской революции 1830 года. Тогда возмущенной демонстративным самовластием Карла X парижской буржуазии понадобилось всего три дня на то, чтобы одолеть гарнизон королевского дворца и вновь поднять над ним республиканский триколор. Полотно, символически оформившее преемственность этой стремительной победы по отношению к революции 1789 года, на волне демократического энтузиазма было даже приобретено Министерством внутренних дел и вывешено в Люксембургском музее. Правда, ненадолго. Тем же

летом триумфаторы предложат корону герцогу Орлеанскому и заменят в девизе Национальной гвардии слово «равенство» на «общественный порядок», а администрация музея упрячет картину Делакруа поглубже в запасники. Но уже через восемнадцать лет — «весной народов» 1848 года — французы вновь, уже навсегда, упразднят монархию, а «Свобода, ведущая народ» вернется на свое место.

Этот небольшой исторический анекдот из последней книги исследовательницы либерализма, профессора истории Университета Утрехта Аннелин де Дайн «Свобода: Непокорная история» (2020) в масштабе абзаца позволяет составить представление о драматургической структуре всей работы — своего рода летописи борьбы за символы и понятие свободы на протяжении последних двух с половиной тысяч лет. Аллегорическая Свобода у Делакруа, вынесенная на обложку англоязычного издания, вооружена мушкетом, и де Дайн неоднократно предлагает понимать свободу как «идеологическое оружие», выкованное в Античности и радикально трансформированное в XIX и XX столетиях (De Dijn 2020: 6).

Книга посвящена отслеживанию генеалогии строго политического понятия свободы, что задает работе ясную, а местами почти тесную рамку: на трехстах пятидесяти страницах не нашлось места философским дефинициям свободы, а теологические и юридические интерпретации упоминаются только в их связи с политической полемикой; и даже наиболее значительные для определения свободы теоретики, такие как Аристотель, Августин, Руссо и Гегель появляются скорее на правах рядовых участников этой полемики. Взамен читателю-неспециалисту предоставляется ценная возможность познакомиться ближе с фигурами Ричарда Прайса, Франца Либера, Эдуара де Лабулэ и многих других авторов, чьи фамилии нечасто встречаются даже в силлабусах по политической теории.

Де Дайн историзирует «свободу», развертывая структуру своего исследования соответствующим образом, в хронологическом порядке. Книга разделена на три части, охватывающие важнейшие этапы дискуссии вокруг этого понятия: его кристаллизацию в античных полисах и развитие в республиканском Риме, упадок в Средневековой Европе и возрождение в итальянских городах-государствах, торжество в эпоху Атлантических революций и мутацию в ходе *la guerre des lettres* XIX века. Каждая из глав открывается синопсисом исторического контекста и предлагает к обзору доводы ключевых авторов эпохи за и против демократического понимания свободы. Четко очерченная структура не лишена содержательных асимметрий: в книге выделяются

относительно обстоятельные (античность) и очевидно ключевые для автора (Атлантические революции, либеральная реакция) главы, в то время как некоторые другие (схоластика, неореспубликанизм в Северной Италии и Англии) предлагают лишь весьма беглый обзор. Следуя этой логике, ниже я сосредоточусь в основном на центральных аргументах, предложенных де Дайн.

В ее интерпретации античная свобода рождается именно как политическое понятие, качественно отличное от существовавшего на тот момент понятия юридической свободы как не-рабства, закрепленного, например, в языках соседних эллинам народов. Герои ранних греческих текстов, такие как Сперхис и Булис у Геродота, начинают называть себя «свободными» в сравнении с «рабами»-персами, жизнь даже самых могущественных из которых находится в руках у деспота Ксеркса. В книге даже утверждается примерная дата рождения этой новой — не существовавшей, например, в текстах Гесиода и Гомера — свободы: около 500 года до н. э. (Ibid.: 21). С тех пор свобода как антитеза политическому рабству проявляется в самых разных феноменах культурной, материальной и религиозной жизни эллинов: в качестве примеров автор приводит поэмы Солона, алтарь «Зевсу-освободителю» на острове Самос и монумент тираноубийцам Гармодию и Аристогитону на Афинской агоре.

Ключевым сюжетом для рождения политической свободы становятся греко-персидские войны, в процессе осмысления которых Эсхилом и Геродотом появилось понимание политической свободы как «эллинской» добродетели. Опираясь на «Историю» последнего, де Дайн выделяет несколько принципов, на которые опирается новый культ демократической свободы как свободы от деспотического правления: это (1) ощущение безопасности и контроля над собственной жизнью, неподвластной аффективным капризам деспота, и в то же время (2) ощущение независимости, порождающее в эллинах особый боевой дух, стремление «достичь чего-нибудь для себя самого» (Ibid.: 29). Предпочтя не развивать тему этого напряжения, исследовательница отбрасывает второй элемент и тем самым облегчает себе работу на сотни страниц вперед — в последующих сюжетах борьбы вокруг политического самоуправления не найдется места агонистическому, или экзистенциалистскому, измерению свободы, знакомому нам, например, по трудам Ханны Арендт (см.: Арендт 2016; Kompridis 2007: 32–59).

Темный двойник демократической свободы — интеллектуальная традиция «внутренней» свободы — появляется на исторической сцене с небольшим опозданием, уже после завоевания

Эллады Александром Македонским. Внутреннее, или моральное, измерение свободы как власти над собой, которую добродетельный индивид может сохранить даже в условиях политической тирании, кристаллизуется в стоической школе. Популяризация этого стоицистского понимания свободы найдет свое продолжение в рефлексии отцов Церкви. Так, в текстах Амвросия Медиоланского свобода управления своими желаниями станет основной добродетелью верующего, доступной даже женщинам. При этом, замыкая свой лаконичный анализ роли теологической мысли в судьбе понятия, де Дайн считает необходимым опровергнуть популярный аргумент об особенной роли Реформации в развитии понимания личной свободы (De Dijl 2020: 169), правда, в основном лишь путем фрагментарного цитирования Лютера и Кальвина.

Второй значимой мишенью де Дайн становится теория естественных прав, а точнее, исследовательская традиция, увязывающая возникновение этой теории с развитием раннего капитализма и необходимостью юридически закрепить персональные свободы¹. По ее версии, закрепление понятия естественных прав в юридической мысли своего времени явилось как раз реакцией на критику Реформацией союза теологии и права, и ни Гуго Гроций, ни Самуэль фон Пуфендорф не подразумевали прямой связи между естественной свободой и свободой политической. Напротив, любая политическая свобода должна быть полностью и безусловно отдана в распоряжение королевской власти, которая не допустит возвращения человека в прекарное естественное состояние. Бегло упоминая контрпримеры Спинозы, Руссо и Локка, автор концентрируется на фигуре Гоббса, по ее мнению, ответственного за теоретическую инновацию в понимании свободы. «Величайшая свобода подданных зависит от молчания закона, так как в тех случаях, где суверен не предписал правил, подданный обладает свободой поступать или не поступать по своему усмотрению», — цитирует де Дайн автора «Левиафана», оговариваясь, что тот не пользовался большой популярностью у современников (Ibid.: 177). Следует отметить, что это, казалось бы, важное замечание попадает в изоляцию. Де Дайн спешит оговориться, что при жизни Гоббса его труды не пользовались популярностью, и тем самым как будто расчищает место для появления по-настоящему грозной теории, до которого, по ее расчетам, остается еще несколько сотен лет.

Кульминационным актом в описываемой автором многовековой истории свободы можно с очевидностью считать эпоху

¹ Автор указывает в первую очередь на работы Кроуфорда Макферсона и Эллен Мейксинс Вуд (см.: MacPherson 1962; Meiksins 2012).

Атлантических революций. В отличие от Арендт (см.: Арендт 2011), де Дайн однозначно трактует Французскую и Американскую (наравне с неудавшейся Голландской, победившей Гаитянской, а также Польским восстанием 1794 года) революции как части одной цепочки потрясений, случившихся прежде всего под знаменем свободы². Де Дайн перечисляет лишь малую часть упомянутых в первых главах своей книги элементов, новую жизнь которым дали события конца XVIII столетия, — от лозунгов «Свобода важнее жизни» на знаменах американских солдат до женской аллегии свободы на картинах живописцев и римского колпака, красовавшегося не только на знаменитом полотне Делакруа и тысячах парижан, но и на деревянном шесте, который жителям Нью-Йорка пришлось возводить заново четыре раза, отвоювая землю у британского экспедиционного корпуса.

Однако поистине важной особенностью Атлантических революций, ответственной за их родство с античной эпохой изобретения свободы, является своего рода двойственная рефлексивность. С одной стороны, революционеры по обе стороны Атлантики все еще оперируют примерами и лозунгами из классического канона, с другой — осознают уникальность собственных исторических обстоятельств и демонстрируют исторический оптимизм. Ощущение превосходства новорожденных республик над их античными ориентирами послужило топливом для спора (например, между Руссо и Кондорсе или Гамильтоном и Мэдисоном) о репрезентации, то есть о выборе между идеалом небольшого античного полиса с его проксемией прямого политического участия и современной республикой с необходимостью делегирования этого участия меньшинству представителей. Не менее важно для автора и то, что время Атлантических революций ознаменовало последний виток живого интереса к античным образцам — для следующих поколений революционеров и реакционеров точкой референции станут уже их непосредственные предшественники.

В ту же эпоху модерной становится и критика демократической свободы. Ключевым для «нового способа думать о свободе», непосредственно связанного с критикой Атлантических революций, автор считает различие «гражданской» и «политической»

² В качестве своеобразного доказательства от обратного по отношению к тезису Арендт де Дайн приводит в пример сдержанность революционеров по обе стороны Атлантики по части перераспределения собственности. Вслед за американцами Конституционная ассамблея Франции в 1791 году приняла декрет об отмене майората, однако другие, гораздо более радикальные предложения якобинцев неоднократно были отвергнуты конвентом (De Dijn 2000: 197).

свобод, предложенное прусским теологом Иоганном Эберхардом. Первая предполагала возможность наслаждаться размеренной жизнью и действовать по своему усмотрению в рамках закона — эта свобода в избытке присутствовала у подданных Фридриха Великого. Вторая же, свобода участия в управлении, возможна лишь в республиках. Предвосхитив синтез консервативной и либеральной логик последующих нескольких столетий, Эберхард противопоставил эти понятия друг другу и указал на их обратную корреляцию. Европейским либералам удалось сделать эффективный следующий шаг, дополнив монархическую эберхардовскую концептуализацию прогрессистской исторической рамкой.

Разделение Бенжаменом Констаном «древних» и «современных» свобод почти полностью повторяет различие Эберхарда, но при этом вводит особую темпоральную переменную. Если учесть эту переменную, окажется, что сторонники демократической свободы не просто представляют угрозу для беззаботного частного существования сограждан, но попросту мыслят анахронично, не учитывают реалий своей эпохи: изменились не только масштабы государств, среди которых уже не так просто отыскать подобие античного полиса (о чем беспокоился еще Руссо), но и экономика этих государств, основанная более не на военном деле, но на коммерческом. Отсюда и очевидная для Констана необходимость ориентироваться не на сплочение, но, в некотором роде наоборот, на тягу современников к независимой деятельности. На этом основании Констан, не единожды публиковавший собственные модели конституции, раз за разом смещал фокус понятия свободы на индивидуальные права и четкую границу, отделяющую частную жизнь гражданина от государственного вмешательства (De Dijl 2020: 254).

Второй (из трех описываемых автором) этап становления «нового понимания свободы» развернулся уже по итогам следующей революционной волны — «весны народов» 1848 года. Для него характерно смещение фокуса риторической борьбы противников демократической свободы с государства на экономику. Де Дайн приводит в пример Францию: если первое поколение послереволюционных либералов, таких как Гизо или де Сталь, считало необходимым защитить политическую власть элит⁵ от излишних демократических притязаний, то полвека спустя Эдуар де Лабулэ в написанном им манифесте французской Либеральной партии под красноречивым названием

⁵ Речь, конечно, не об элитах как таковых, но о меньшинстве, способном в силу врожденных и приобретенных навыков квалифицированно управлять государством.

«Государство и его пределы» уже не посягал на героическое прошлое революции 1789 года и всеобщее избирательное право, но настаивал на «свободах» и «естественных правах», которые должны быть защищены в современном обществе (Ibid.: 284).

Последним элементом большого стиля «новой свободы» стал язык конституционализма, разработанный в первую очередь американскими теоретиками. Здесь центральной фигурой для автора становится преподававший политическую и социальную науку в Йельском университете Уильям Самнер. Он предложил понимать «республику» как своего рода антипод «демократии», в качестве истинно республиканских институтов защиты индивида от «численного большинства» выделил президентское вето, Сенат и независимую судебную власть, а ключевую роль отвел Конституции. Именно конституционную республику основали в свое время отцы американской нации, и лишь последующие поколения лидеров превратили ее в демократическую. В получившемся гибриде агрессивный демократический элемент вечно пытается преодолеть конституционные сдержки и установить «демократический абсолютизм», для Самнера еще более страшный, чем власть римских императоров (Ibid.: 305).

Для европейских либералов американский конституционализм заменил британский в качестве главного ориентира. Судя по опубликованной в 1885 году британским историком права Генри Мэйном серии эссе, к концу XIX века США перестали ассоциироваться с наследием революции и авангардом демократии. Мэйн восхищался американским индивидуализмом, защищенным «свободой контракта» от «демократической спешки и социалистических фантазий». Символом этой перемены стала Статуя свободы, обращенная к прибывающим в Нью-Йорк иммигрантам. Один из инициаторов этого подарка французской нации американской, уже упомянутый де Лабулэ, настоял на том, чтобы голову монумента венчал не традиционный колпак, но корона из звезд, а в одну из рук были помещены скрижали права, указующие на то, что именно закон и порядок, а не демократическое самоуправление — истинные гаранты свободы (Ibid.: 310).

Рассматриваемый де Дайн период в две тысячи лет не заканчивается XIX веком. Финальная глава под заголовком «Рождение современной свободы» обращается к фигурам Карла Маркса и супругов Уэбб, Вудро Вильсона и Теодора Рузвельта, и их оппонентам — поколению «либералов Холодной войны» в лице Фридриха Хайека, Исаи Берлина и Раймона Арона. На счет последних автор записывает последнюю из упомянутых в книге инноваций: выстраивание экзистенциального, цивилизацион-

ного противостояния вокруг концепта свободы. Вторая половина столетия пропущена едва ли случайно — в воображаемой автором «битве» за свободу победа пока что остается на стороне тех, кто предлагает понимать ее как «гражданскую» свободу действовать по своему усмотрению в рамках закона, защищенную от демократического произвола конституционалистскими институтами и вписанную в западную «цивилизаторскую» онтологию. Лишь редкие индивиды в универсуме либеральных демократий готовы сегодня открыто выступить против свободы как таковой, но парадоксальным образом столь ценное для нас понятие опосредовано концептуальными инновациями тех, кто боролся против требований, выдвигаемых с его помощью.

Проделанная де Дайн работа позволяет оценить уникальность сложившейся ситуации, выхватив ее из иллюзии историчистского эссенциализма. Начиная со Славной революции попытки оппонентов свободы самоуправления перековать термин и остановить лавину порождаемых им требований не находили успеха — если уж на то пошло, гораздо чаще ограничения перед самыми радикальными требованиями выставляли ее защитники, будь то Национальный конвент якобинцев или авторы американского Билля о правах. Каждому последующему поколению реакционеров приходилось начинать свою борьбу заново после того, как требования их предшественников становились окончательно невыполнимыми. Наконец организованные ими партии раз за разом оказывались нежизнеспособными в условиях даже ограниченной электоральной демократии. Перелом этой динамики, концептуально спроектированный в XIX веке, воплотился по историческим меркам совсем недавно. Легитимировавшая его Холодная война закончилась, отмечает де Дайн, но «свобода» до сих пор находится в плену у ее призраков.

В предисловии не упомянуто ни одного теоретика, с которым намеревалась бы спорить де Дайн⁴, однако искомые ключевые оппоненты обнаруживаются в заключении книги и не оставляют сомнений в ее мотивации. Яша Мунк и Фарид Закария — не просто политологи, но в первую очередь публичные интеллектуалы, чьи колонки задают тон в ведущих американских медиа (см.: Mounk 2018; Zakaria 2003). На волне разочарования либеральных интеллектуалов референдумом о выходе Великобритании из ЕС и победой Дональда Трампа на президентских выборах в США оба теоретика отметили нависшую над либеральной демокра-

⁴ При этом добросовестная работа по выделению авторов, чьим тезисам де Дайн оппонирует в тех или иных фрагментах книги, проведена в «Примечаниях».

тией угрозу «народной воли», а второй даже выделил некоторые преимущества либеральной автократии над иллиберальной демократией. Очевидно, де Дайн видит своей задачей напомнить скептикам о том, что «свобода» не является частью эксклюзивного теоретического капитала либерализма.

Основные тезисы работы — о специфически негативном измерении современной свободы и реакционной генеалогии дизайна либеральных или ограниченных демократий — едва ли станут откровением для специалистов по политической теории или истории идей. Вполне обосновано критическое замечание о том, что теория де Дайн слишком уютно себя чувствует в рамках дихотомии Берлина, или, вернее, расширяющей ее триады Скиннера (Skinner 2002; Halldenius, 2021). Однако в конечном счете необходимо иметь в виду, что книга сознательно ограничена, во-первых, дисциплиной истории идей, а во-вторых, полем дискуссии вокруг политической свободы. И в этом качестве может служить именно вторичной, а не основной литературой для тех, кто интересуется, например, актуальной критикой синтеза либерализма и демократии.

Библиография

- Арендт, Ханна (2016). *Vita Activa, или о деятельной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Арендт, Ханна (2011). *О революции*. М.: Европа.
- De Dijn, Annelien (2020). *Freedom: An Unruly History*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- De Dijn, Annelien (2008). *French Political Thought from Montesquieu to Tocqueville*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Halldenius, Lena (2021). "Revisiting ancient and modern liberty: On de Dijn's *Freedom: An Unruly History*". *European Journal of Political Theory* 21, N 1 (2021).
- Kompridis, Nikolas (2007). "The Idea of a New Beginning: A Romantic Source of Normativity and Freedom". In *Philosophical Romanticism*, ed. Nikolas Kompridis, 32–60. New York: Routledge.
- MacPherson, C. B. (1962). *The Political Theory of Possessive Individualism*. Oxford: Clarendon Press.
- Meiksins Wood, Ellen (2012). *Liberty and Property: A Social History of Western Political Thought from Renaissance to Enlightenment*. London: Verso.
- Mounk, Yascha. *The People vs. Democracy: Why Our Freedom Is in Danger and How to Save It*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Skinner, Quentin (2002). "A Third Concept of Liberty." *London Review of Books* 24, N 7 (2002): 237–268.
- Zakaria, Fareed (2003). *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad*. N. Y.: W. W. Norton & Company.